

КАКЪ СУДИЛИ И РЯДИЛИ ВЪ СЪЧИ ЗАП РОЖСКОЙ.

Въ оригинальнѣйшей запорожской общинѣ, подобной которой не представляетъ ни одна страна въ мірѣ, все было оригинально начиная отъ ея внутренней организаціи и международныхъ сношеній и кончая мелочами внѣшняго быта, пищи, одежды и домашней обстановки. По части запорожской дипломатіи довольно вспомни знаменитый и единственный въ своемъ родѣ отвѣтъ кошеваго Сѣри султану Ахмету II.

Оригинальны были въ Запорожѣ судъ и расправа, но письменные памятники ихъ въ большей части погибли, преданія о судъ словесномъ исчезли, вымерли.

Не смѣлою рукою беремъ за предметъ столь занимательный и вмѣстѣ столь малозвѣстный. Хотѣлось бы хотя въ слабыхъ чертахъ воскресить образъ самобытнаго запорожскаго судопроизводства. У насъ подъ руками кипы судебныхъ актовъ, составленныхъ или полученныхъ въ Кошѣ; но большая часть ихъ касается пограничныхъ распрей и представляетъ собою болѣе политическую переписку, чѣмъ судъ и расправу внутри общины, или же даетъ рядъ общихъ уголовныхъ дѣлъ, каковы дѣла по наѣздамъ на сосѣдей и гайдамацкія. Дѣлъ чисто уголовныхъ, касающихся преступленій, совершенныхъ въ районѣ Сѣчи, незначительное число. Еще менѣе дѣлъ чисто гражданскихъ, касающихся личныхъ правъ, собственности, убытковъ, долговыхъ претензій и т. п., притомъ всѣ они времени позднѣйшаго. Последнее неудивительно: довольно вспомнить составъ войска, его духъ, происхождение и строй гражданскій, чтобы понять отсутствіе въ его архивахъ судебныхъ расправъ, касающихся правъ личности или состояній. Никто у запорожцевъ не требовалъ актовъ о его рожденіи, крещеніи или смерти; никто не приносилъ и не приобреталъ недвижимой собственности. Не было межевыхъ споровъ внутри Коша, ибо зимовниками «сидѣли» на рѣчкахъ и обще владѣли безмѣрными полями и дугами. Дѣла торговыя, долговныя, о заграбленіи имущества, всего чаще стада, дѣла прибытка рыболовнаго, звѣроловнаго, промысловаго, существовали, но болѣе чѣмъ вѣроятно, что они разбирались и рѣшались словесно. Судебная власть въ запорожскомъ войскѣ не

отдѣлялась отъ военно-административной и исполнительной. Высшимъ представителемъ войсковой общинной власти былъ Кошъ, онъ же былъ центральною и высшею судебною властію, которая, какъ и всякая другая власть, распредѣлялась по числу 38 куреней. Случалось, что кошевой, вмѣстѣ съ войсковымъ судьей и писаремъ объѣзжалъ паланки и по пути творилъ судъ и расправу, устанавливалъ всякіе порядки, а его рѣшенія и постановленія записывались въ такъ называемый «походный журналъ».

Первый найденный нами такой журналъ относится къ 1772 г. и былъ веденъ походною канцелярію, во время объѣзда кошевымъ и старшиною кодацкой и самарской палапокъ, гдѣ было *все добро войсковое*, т. е. важнѣйшіе зимовники, лѣса и перевозки на Днѣпрѣ и Самарѣ. Въ этомъ журналѣ записаны всѣ дѣла, походнымъ Кошемъ произведенныя, рѣшенія уголовныхъ дѣлъ, споровъ, раздача *байраковъ*, хуторовъ, уравнише повинностей и освобожденіе отъ оныхъ, хозяйственныя и пограничныя распоряженія паланокъ и т. п. Любопытно самое начало журнала или исторія путешествія «пана кошеваго и старшипъ въ Кодакъ» въ 1772 году. Приводимъ его во всей цѣлости, какъ образчикъ, между прочимъ, домашняго быта запорожской старшины.

«Его вельможность, атаманъ кошевой, Петръ Ивановичъ Калнишевскій, панъ судья войсковый Николай Тимофѣевичъ, панъ писарь войсковый Иванъ Яковлевичъ Глоба, бывший войсковый судья Андрей Артемовичъ Носачъ, начальникъ церковей отецъ Владиміръ Сокальскій съ дьякономъ и войсковая канцелярія походная, февраля 28 числа 1772 года, въ четвертокъ, до восходу солнца (изъ Сѣчи) выѣхали. И ѣхали чрезъ весь день и ночи до полчася на зимовникъ бывшаго старшины, войсковаго асаула, Василія Андреевича Пишмича. Но по темноты ночи, не доѣзжая сего Пишмичева зимовника, подъ сѣномъ стали, и заночевавъ чрезъ всю ночь, онимъ сѣномъ лошадей кормили. 24 числа февраля взяли дальній путь; въ какомъ пути поспѣли уже въ обѣднее время въ зимовникъ Пишмичевъ¹⁾. Коимъ встрѣчею будучи приняты весьма хорошо, пановъ и при панахъ бывшихъ принимаю, какъ-то: обѣдъ достаточный становить и горилкою не скудно подчивалъ. За се ему отблагодаривши, поѣхали

1) На р. Комышеватой, гдѣ былъ этотъ зимовникъ, есть до сихъ поръ селеніе, именуемое *Пишмичево*.

и ѣхали до Кодаку чрезъ весь день послѣшно, куда въ Кодакъ уже при захожденіи солнца наспѣли. Но прежде въѣзда встрѣчены были въ *Попасныхъ буеракахъ* козаками ново-кодацкими, въ достаточномъ числѣ, хорошо одѣтыми, съ прапоремъ. А какъ стали подупсѣвать и къ кодацкому городу, тогда во первыхъ два изъ пушекъ сигнала дано, а потомъ разъ по разъ изъ всѣхъ имѣющихся около городу раскатовъ стрѣльбу пушечную произведено. И были приготовленные въ священническое одѣяніе всѣ священники со діаконы, при башнѣ, что отъ войсковаго дворца, для встрѣчи со крестомъ; но что не въ сію, а въ другую поѣхали башню, для того священники уже разобравшись (раздѣвшись) съ священнаго одѣянія, съ поклономъ па квартиру въ войсковый дворецъ къ пану кошевому приходили, и хорошо принятые будучи, отойшли. Гдѣ въ войсковомъ дворцѣ панъ кошевой съ паномъ пясаремъ, панъ судья-же съ Андреемъ Артемовичемъ у Кондрата Сѣверскаго, а отецъ начальникъ съ дякономъ у священника Василя Алексѣева квартирами стали. И ходили 25 числа въ субботу въ церковь на утреню и на службу. Прежде службы былъ акафистъ, а по акафистѣ пѣто умиленную пѣснь: «О всепѣтая Маты!» и другія. А когда акафистъ совсѣмъ совершился, начата отцомъ Федоромъ Фомичемъ (кодацкимъ настоятелемъ) служба Божія. А по службѣ панъ кошевой всѣхъ пановъ и священниковъ, въ томъ числѣ чрезъ ночь зъ Самары въ Кодакъ послѣдшаго и намѣстника (протоіерея, старшаго въ духовномъ правленіи) Григорія Порохню звалъ и по нѣсколько чарокъ горѣлки трактовалъ. И ходили всѣ по просьбѣ къ Полтавцу кушать, коимъ весьма хорошо, какъ сказываютъ, будучи принятые. воротились по квартирамъ. А па своей панъ кошевой опочивши, ходилъ до вечерни; а по вечерни никуда пейдя, у себя вечерялъ и спать легъ, и спалъ до утренняго звона, а въ то время въ церковь на утреню ходилъ, также и на службу, которал соборомъ отправуемая была отцемъ начальникомъ. А по службѣ всѣ вообще званы кушать къ пану судѣ. Пообѣдавши-жъ, въ домъ идучи, заходили въ квартиру іерея Федора, гдѣ побывъ малое время, разошлись по квартирамъ. И панъ кошевой въ своей до вечерняго звона былъ, а тогда въ церковь на вечерню. По вечерни-жъ къ іерею Василю вечерять и въ гости до іерея Артема ходилъ, у коего и пѣвчими былъ позабавленъ; а оттуда, нейдя уже никуда, разошлись по домамъ.

И отъ 27 февраля за прощеніе принялись. Въ субботу сообщались (пріобщались Св. Тайнамъ) всѣ паны. Отъ субботы до говторника въ Кодакѣ живя, всякіе порядки обществу тамошнему полезныя учреждали. И по учрежденіи у воторникѣ, 6 числа марта о полдень, взялись въ обратный маршь: панъ кошевой, панъ судья и отецъ начальникъ, кои коль скоро съ квартиры выѣхали, заразъ разъ по разъ выстрѣлено изъ 2 пушекъ, и козаки съ прапоромъ до Попасныхъ (буераковъ) провожали, а отъ Попасныхъ повернулись Мы-же противу 7 числа марта невдалѣ Стефана Васильевича зимовника, что въ Сурѣ, а противъ 8 числа марта въ Камяноватой ночевали. Авось либо и въ Сѣчь попадемъ».

Сохранился и другой, болѣе краткій походный протоколъ 1774 года слѣдующаго содержанія:

«Его вельможность, атаманъ кошевой, П. И. Калнишевскій, господа войсковый старшица Андрей Носачъ, писарь войсковый И. Я. Глоба, Владиміръ архимандритъ, сѣчевыхъ церковей начальникъ, іеродіаконъ Меркурій и Палладій, также канцелярія войсковая походная и церковныя сѣчевой церкви служители, выѣхали зъ Сѣчи въ четвертокъ 27 дня полбря, и ночевали у Пишмичева зимовника. А оттоль рано двинувшись, въ Кодакѣ Новый 28 дня поября въ пяткокъ, при захожденіи солнца настigli и стали квартирами, панъ кошевой и панъ писарь войсковый въ войсковомъ дворцѣ, а Андрей Артемовичъ Носачъ у священника Кондрата Сѣверскаго, отецъ-же архимандритъ у вдовы попады Василюхи, а канцелярія у обывателя ново-кодацкаго Телюка. При въѣздѣ же въ Кодакѣ, оттоль встрѣчены козакою командою въ Попасныхъ, а духовенствомъ въ предградіи и выстрѣлено 15 разъ съ пушекъ». По окончаніи списка дѣлъ, въ этой паланкѣ производившихся, протоколъ такъ заключается: «12 декабря рано зъ Кодаку поѣхали, и опровожденные до Попасныхъ командою козакою, подъ управленіемъ полковника Святого зъ старшиною, при чемъ стрѣляно изъ батарейныхъ пушекъ. Ночевали слѣдовавшую тогда ночь въ зимовникѣ Пишмичевомъ, а о полночь выѣхали и поспѣли въ Сѣчь предъ вечернею 13 декабря».

Дѣлались-ли такіе объѣзды и съ такими церемоніями прежде 1770 годовъ, мы сказать не можемъ, не имѣя ни одного на то письменнаго акта, но вѣроятно было что нибудь похожее, иначе Кошъ не могъ-бы сдѣлать столь многихъ нововведеній, не возбудивъ об-

щаго въ войскѣ ропота. Что-же это были за дѣла и порядки, полезные для общества, упомянутые въ протоколѣ, сейчас увидимъ. Большою частію это были хозяйственныя распоряженія и единственныя дѣла гражданскаго суда и расправы, нами въ архивѣ найденныя.

Приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ нихъ, чтобы составить себѣ представленіе о гражданскомъ судопроизводствѣ въ Запорожьѣ, и начнемъ съ дѣла наиболѣе ранняго изъ числа находящихся у насъ въ рукахъ.

Это дѣло по неправильной денежной препзін. Оно началось еще въ 1745 году и состояло въ слѣдующемъ. Бывшій войсковый писарь, а послѣ малороссійскій помѣщикъ и войсковый товарищъ Алексѣй Петруша, будучи еще полковымъ старшиною и писаремъ калміусской паланки, въ наказаніе за какой-то проступокъ забрала у козака мѣскаго куреня Стефана Чорнаго, сидѣвшаго зимовникомъ на р. Еланчику, скоть и другое его имущество. Козакъ прибылъ въ паланку съ жалобою, но писаря уже не засталъ за отбытіемъ его на раду въ Кошъ, а потому, по обычаю, онъ взаимно въ его жилищѣ взялъ тоже скоть, 1 р. 50 к. денегъ, бурку и другія вещи. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, когда Петруша оставилъ войско и поселился въ Малороссіи, разныя бѣдствія его разорили, и онъ, оскудѣвъ въ своемъ состояніи, вздумалъ чрезъ гетманское правленіе требовать удовлетворенія съ козака Чорнаго, который тогда женился, и, какъ посполитый, жилъ въ самарской паланкѣ, въ с. Чернечомъ. Призванный въ Кошъ, Чорный объяснилъ дѣло, признанъ *невиннымъ* и отпущенъ, но по приказанію кошеваго Григорія Федорова, по уваженію, что Петруша «въ крайнемъ недостаткѣ и скудности» находится, по «добровольной и плачевной его просьбѣ», далъ ему 40 руб. и въ томъ взялъ отъ него собственноручную росписку іюня 2-го, 1756 года. Въ ней сказано: «по принесенной отъ Степана Чорнаго повинной, отъ господина кошеваго приказано, со всей моею претензіи, 146 р. и 80 к., уплотить мнѣ (Петрушѣ) только 40 р. ровно. И что вышеписанное число 40 р. деньги я отъ него принялъ и на него Чорнаго нигдѣ ни въ какомъ судѣ и правѣ не челобитчикъ, въ паланкѣ самарской, при полковнику Петру Шабельнику зъ старшиною, сію росписку мою далъ и на оной подписался». Казалось, дѣло было кончено. Но упрямый украинецъ не удовольствовался 40 р., и чрезъ малороссійскую войсковую кан-

целярію опять требоваль не только остальныхъ денегъ, но и на казанія Стефану Чорному. Кошъ вторично вытребоваль истца подъ карауломъ въ Сѣчь и содержаль его въ тюрьмѣ или на порукахъ въ селѣ Чернекомъ лѣтъ нѣсколько; наконецъ, видя явную со стороны Петруши ябеду, сдѣлалъ слѣдующій приговоръ:

«1764 года іюля 22, по жалобѣ войсковаго товарища Алексѣя Петруши, козакъ и житель самарскій Степанъ Чорный зыскавъ былъ чрезъ ордеръ за конвоємъ въ Кошъ и кромѣ сего тоже его зыскивано подъ карауломъ разовъ нѣсколько, который предъ судомъ войсковымъ былъ, и по объявленію бывшаго атамана кошеваго Григорія Федорова, что они прежде между собою совсѣмъ погодились (помирились), съ тѣмъ, чтобы уже къ Чорному, по принятіи Петрушею 40 р., ничего не искать, росписался, но что опъ Петруша, тѣмъ не удовольствуясь, и не устоявъ на словѣ и данной роспискѣ, его Чорнаго турбуеъ (безпокоитъ) напрасно и Кошъ утруждаетъ по пустому, безъ и малѣйшей причины, для того, дабы впредь, если искать Петруша будетъ, за нимъ Чорнымъ не посыалось и отказывано Петрушѣ вовсе было,—сіе для пріобщенія на всегдашнее время до дѣла ихъ записано и подписано: году, мѣсяца и числа вышечисанныхъ.—Слѣдуетъ подпись войсковаго писаря: «съ повелѣнія господина кошеваго атамана Филиппа Федорова и вышереченнаго бывшаго кошеваго атамана Григорія Федорова войсковый писарь Иванъ Глоба».

Вотъ образчикъ рѣшенія долга.

«Приказъ Коша самарскому полковнику Карпу Гуртовому съ старшиною:

«Козака и жителя самарскаго Грицька Бѣлого заведенное (о неуплатѣ) дѣло съ жителями самарскими Харькомъ Порожнимъ и Иваномъ Сычкомъ, нами разсматривано. И по рассмотрѣніи явились оные Харько Порожній и Иванъ Сычокъ должными заплатить ему Бѣлому денегъ 46 руб. 67 коп. Якіе деньги Харько Порожній заразъ 23 р. 33 коп. съ денежкой заплатить долженъ, а Сычокъ за поворотомъ съ Крыма въ домъ свой таковуюжъ часть, безъ всякаго отлагательства, ему Бѣлому имѣеть. О чемъ къ вамъ ко исполненію предлагаемъ». 1772 года декабря 7.

Здѣсь не видимъ ни процедуры дѣла, ни мотивовъ рѣшенія, а только голое рѣшеніе; но это потому, что оно соединилось съ

разбирательствомъ и въ дѣлахъ несложныхъ послѣднее, равно и мотивы, излагаемые словесно, такъ сказать подразумѣвались, какъ показываетъ слѣд. ордеръ войсковому асаулу Федору Завезіону.

«По жалобѣ козака и жителя вѣдомства Протовчанской паланки с. Байбаковки Якова Глухого, на бывшаго атамана тамошняго Прокопа Самарского, имѣете вы зъ полученіемъ сего съѣхать въ означенную слободу Байбаковку заразъ, и въ жалобѣ его Глухого съ отвѣтною стороною сдѣлать по самой справедливости, зрѣлымъ окомъ, разборъ. И кто явится виновнымъ, тому безъ всего приказать обидимую сторону удовлетворить такъ, чтобы больше о семь жалобы не заходило къ намъ». 1772 года, декабря 8.

Образчикъ дѣла о давности владѣнія (praescriptio) находимъ въ ордерѣ кошеваго войсковому старшинѣ Андрею Порохиѣ:

«Изъ Самары вдова Ганка Силиха жалуется, что ея мужъ, имѣвши надобность въ огородѣ, ради онаго занялъ мѣсто въ Палчовомъ, гдѣ прикохаль черное и родючее дерево, владѣя тѣмъ чрезъ 13 лѣтъ свободно. Теперь же отъ того вы ее отдаляете, и егда дойдеть до того, что отдадите, то весьма обидимою будетъ, поелику остается вдовою и беспомощною. Какъ же съ сего представленія является, что ея мужъ *тѣмъ чрезъ 13 лѣтъ владѣлъ, обзаведши своимъ трудомъ*; то и рекомендуемъ вамъ, дабы вы жалующейся Силихѣ во владѣніи ею тѣмъ препятствія не дѣлали и возвратили безъ всего. Еслижъ въ такомъ мѣстѣ надобность имѣете, такъ можете избрать тамъ, гдѣ должно и согласно порядку». 1774 года декабря 10.

Въ приказѣ войсковому старшинѣ Лукьяну Великому имѣемъ образчикъ рѣшенія, касающагося исполненія *договора*.

«Вдова попадья пово-кодацкая Акулина жалуется въ Кошъ, что она должны вамъ 500 рублей сполна отдала, въ чемъ и росписку на бумагѣ получила отъ васъ. Не смотря на то, вы требуете еще какихъ-то процентовъ и за то взяли ея скотъ и лошади. Она, представивъ вашу росписку, объясняетъ, что вы, идучи въ походъ, дали ей 2,000 руб. съ тѣмъ, чтобъ людямъ въ займы давать, а о процентахъ уговора не было. Она отдавала въ заемъ изъ вашихъ денегъ 500 руб. и получила только 200, а 300 пропало, почему она своими эту потерю вашу пополнила и просить, чтобы Кошъ приказалъ ея скотину возвратитъ, иначе она разорена будетъ. Мы,

разсмотрѣвъ жалобу ея и росписку вашу въ подлинникѣ, въ которой написано: «1774 года апрѣля 27-го я нижеподписавшійся далъ сію росписку жительницѣ ново-кодацкой Акулинѣ отца Василія покойнаго попадѣ, въ томъ, что она мнѣ виновата была 500 руб., кои она мнѣ уже всѣ сполна отдала вышеписанная Акулина, въ чемъ и подписуюсь собственноручно крестомъ: козакъ куреня дидьковского Лукьянъ Великій»,—находимъ, что она попадѣ не состоитъ вамъ должною, а потому скотъ и копи удерживаете не надлежаще,—то и повелѣваемъ вамъ, чтобы вы, не принося во извиненіе никакихъ отговорокъ, съ полученія сего заразъ вами удерживаемое ей попадѣ Акулинѣ возвратили». 1774 года декабря 8-го.

Приводимъ наконецъ примѣръ рѣшенія по поводу неравнаго раздѣла взысканія.

«Приказъ волосской слободы ¹⁾ начальнику».

«Волонинъ Афанасъ жаловался, что у сего бывшій въ Кодакѣ полковникъ Поповичъ взялъ денегъ 16 руб. за то, что послѣдовала въ байракѣ рошѣ шкура отъ козъ. А козы были не одного его, но еще и другихъ волоховъ: Ивана, Дмитра, Евстафія да Василія, то и просилъ, чтобы и сіи волохи были помощниками въ возвращѣ ему, жалобливому Афанасу, въ то число денегъ, сколько изъ нихъ на всякаго и Афанаса достанется по раскладкѣ. И такъ приказываемъ, чтобы съ жалобливаго и обжалованные претендуемые деньги 16 руб., до равномѣрной части распредѣливши, взыскать и отдать жалобливому за роспискою, егда есть только такъ, какъ представляеть». 1774 декабря 3.

Какъ изъ приведенныхъ 6-ти дѣлъ, такъ и изъ сотни другихъ, видимъ прежде всего, что судъ Коша былъ окончательный и безъ аппеліаціи. Почти всегда за приговоромъ слѣдовали допесенія паланки или асаула войсковаго, что приказъ Коша исполненъ. Войсковый асаулъ былъ, такъ сказать, министръ юстиціи и полиціи въ

¹⁾ Волосская слобода составлена была изъ поселенныхъ на запорожской землѣ волоховъ и молдаванъ, взятыхъ было въ плѣнъ татарами и отбитыхъ въ 1733 году начальникомъ запорожской флотиліи Даниломъ Третьяковъ. Она существуетъ доселѣ подъ именемъ Волосскихъ Хуторовъ у Рябой Могилы, въ 31 верстѣ отъ Екатеринослава.

войскѣ; безпрестанно находимъ данныя ему порученія: или сдѣлать разсмотрѣніе на мѣстѣ жалобы, или исполнить приговоры рады, или преслѣдовать вооруженною рукою воровъ, гайдамакъ и грабителей. И тогда въ помощь давался ему войсковый довышищъ, очень похожій своимъ званіемъ на бывшаго въ западной Европѣ *Prevôt*, пристава при экзекуціяхъ, а иногда два-три старшины изъ куренныхъ атамановъ. Сужденіе и рѣшеніе дѣлъ въ Кошѣ, основывалось, безъ сомнѣнія, только на обычаѣ и простомъ здоровомъ смыслѣ. Нигдѣ не упоминается о законахъ польскихъ или русскихъ. Кошъ говоритъ просто: «мы разсмотрѣли и рѣшили.» Этотъ «обычай» было дѣло столь положительное и освященное временемъ, что даже въ актахъ русское правительство ссылалось на опыи. Такъ сдѣлать Румянцевъ въ воззваніи къ войску по случаю гайдамацкихъ набѣговъ въ 1768 году; сама даже императрица въ указѣ своемъ отъ 12 іюля 1768 года повелѣвала поступать «по всей строгости запорожскихъ обрядовъ». Письменные доказательства въ дѣлахъ очень уважались Кошемъ, какъ это видимъ изъ приведенныхъ выше примѣровъ. Извѣстна была давность владѣнія (*praescriptio*) и право перваго обладанія (*jus primae occupantis*). Справедливость рѣшенія удивительная. Мы нарочно приводили дѣла простыхъ козаковъ съ войсковою старшиною, и Кошъ всегда рѣшалъ въ пользу первыхъ. Что касается языка, то въ записываніи жалобъ и рѣшеній употребляется языкъ русскій, но въ словесномъ разбирательствѣ и рѣшеніяхъ былъ, конечно, свой, мѣстный, малороссійскій. Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе относительно ролей лицъ, творившихъ судъ въ Кошѣ. Войсковою судья, первый сановникъ въ Запорожѣ послѣ Кошеваго, по всему видно, разбиралъ дѣло, объяснялъ оное и совѣтовалъ, рѣшалъ кошевой, а исполнялъ асаулъ.

Перейдемъ теперь къ судопроизводству уголовному и прежде также приведемъ нѣсколько примѣровъ суда по дѣламъ уголовнымъ.

Ставимъ на первомъ планѣ дѣло амурнаго свойства, всего вѣроятнѣе блудъ съ насиліемъ, тягчайшее по обычаямъ сѣчевымъ преступленіе. Вотъ приказъ о немъ самарскому полковнику.

«Самарчицкая жителька Анна Перехристка, какъ намъ представляете, козакомъ куреня каневского Федоромъ Маляромъ опорочена не по пристойности; а какъ сей порокъ не только къ ней Перехристкѣ, но къ обезславленію и всего войска Запорожскаго

простирается, а вы его сослали до повороту нашего съ Кодаку, для того вамъ *господинъ полковникъ съ старшиною* повелѣваемъ: онаго *Маляра сыскать, а дабы и другіе таковыхъ непристойныхъ* худостей дѣлать не отваживались, въ страхъ прочимъ, публично на базарѣ кіями наказать и намъ репортовать, по исполненіи». 1772 года декабря 7.

Слѣдующій отрывокъ изъ судебного показанія и допроса, сдѣланнаго казаку Стефану Чорному показываетъ, что для отвлеченія отъ разбоевъ и грабежа въ Сѣчи, вмѣсто наказанія, практиковались увѣщанія съ приписаніемъ виновнымъ публичнаго покаянія и присяги.

«Стефанъ Чорный совокупился въ 1745 году съ ватагомъ гайдамацкимъ Левушковскимъ куреннымъ, уже умершимъ, Охтирою и съ нимъ бывшими 13 чел. товарищами, съ ними не малое время прожилъ, довольствуясь только угономъ скота отъ татарскихъ чабановъ; а какъ присланы отъ Коша въ упомянутому ватагу съ товарищи его, по многимъ ихъ въ великихъ и заграничныхъ степяхъ партіями воинскими поискахъ и непонимкахъ, нарочные, чтобъ по степу перестали шататься и татарамъ чинить обидъ, но ишлибъ на покаяніе добровольное въ Сѣчь, безъ сумнѣнія, и въ томъ, что шататься и воровать не будетъ, въ сѣчевой церкви выконали бы присягу, почему и будутъ отъ Коша всѣ прощены; то онъ съ ватагомъ и прочими товарищами заразъ поѣхали въ Сѣчь, и за пріѣздомъ, по довольному тогда бывшаго атамана кошеваго Василія Григорьева Сича и всѣхъ атамановъ и старшинъ *словесному истязанію* въ церкви, въ недѣланіи уже напредки никакихъ самовольствъ присягли... отъ всѣхъ къ Кошѣ правящихъ и обществомъ воинскими за всѣ ихъ преступленія, за самовольное покаяніе, прощены... онъ же Чорный началъ жить въ Самарѣ въ р. Кильчени зимовникомъ честно, а какъ оженился, то въ Чернечомъ селѣ». 1756 іюня 2.

А вотъ образчикъ публичнаго выговора, соединеннаго съ сиднїемъ на пушкѣ, за дерзость противъ пограничнаго начальства. — Въ 1763 году вытребованы были и отправлены въ кр. св. Елисавет три запорожскіе старшины, для опредѣленія границъ и рѣшенія могущихъ встрѣтися межевыхъ споровъ. Одинъ изъ нихъ, полковникъ старшина и писарь Андрей Семеновъ, а по прозванію Товстикъ замѣтивъ многія злоупотребленія при межеваніи, противныя смелымъ высочайшихъ повелѣній императрицы, протестовалъ безъ спрос

своихъ старшихъ товарищей и, въ присутствіи генераль-поручика Мельгунова, сказалъ: «развѣ здѣсь такое мѣсто, что всѣхъ насильно грабятъ?» Обиженный генераль, не желая быть самъ судьбою виновнаго, отослалъ его въ Кошъ. Старшина войсковая, чтобы доказать непричастность свою къ такимъ неприличнымъ поступкамъ, приговорила Товстика: «при собраніи всего Коша жестоко быть избрану и, по обычаю, держиму на базарѣ, публично, на пушкѣ цѣлюю педѣлю».

Увѣщанія и выговоры были конечно самыми легкими наказаніями въ Сѣчи, обыкновенно же практиковавшіяся тамъ наказанія поражаютъ своею суровостію. Таково напр. оригинальнѣйшее наказаніе уломленіемъ одной ноги, а быть можетъ и вообще лишеніемъ какого либо члена тѣла преступника, въ родѣ извѣстнаго на Москвѣ урѣзыванія языка и въ Польшѣ отсѣченія руки и ноги на крестъ. Уломленіе ноги преступнику совершилось по такому случаю. Шатавшійся по Запорожью *наймитъ* Грицко Капустенко, 25 лѣтъ отъ роду, находясь на рыбныхъ ловляхъ въ калміусской паланкѣ, служилъ при заводѣ запорожскаго козака корсунскаго куреня Демка Кумпана. 24 числа марта вечеромъ ояъ напился пьянъ и, поссорившись изъ за трубки съ запорожцемъ Никитою Тараномъ, ударилъ его ножомъ; увидя же, что его крѣпко ранилъ, испугался, сталъ бѣжать, но за ночную темноту не могъ никуда убѣжать. Прибѣжавши въ рыбный заводъ, отъ страху скрылся было въ чуланѣ; но на гвалтъ Тарапа сбѣжались другіе козаки и узнавъ о происшествіи, начали поискъ чинить, а сыскавши, въ чуланѣ его обыскали и нашли въ платьѣ пожъ весь окровавленный; взяли его и держали всю ночь подъ карауломъ, а между тѣмъ дали знать его хозяину Кумпану, который его представилъ немедленно въ калміусскую паланку». *Приговоръ отмѣченъ такъ*: «1767 года августа 8 наказанъ на сходѣ уломленіемъ одной ноги».

Общеупотребительно было наказаніе «кіями», съ отпускомъ на покаяніе. Вотъ примѣръ. «Козакъ платниревскаго куреня Иванъ Пастрида служилъ по зимовникамъ и на рыбной ловлѣ въ Гарду честно до 25 апрѣля 1766 года; ѣхавши-жъ въ новороссійскія слободы, остановился въ зимовнику на р. Черномъ-Гашлыку, у запорожскаго козака же ночевати. Тутъ съ другимъ напившись пьянъ, потерялъ всю память и служителя того зимовника, подошедшаго

къ его возу, кулаками и дугою такъ сильно билъ, что тотъ на третій день умеръ». *Приговоръ*: «1767 г. августа 8 на сходкѣ наказанъ жестоко кіями и пущепъ на покаяніе».

Обстоятельства дѣла, иногда вовсе независѣвшія отъ воли преступника, давали иногда поводъ къ уменьшенію наказанія. Одинъ житель запорожскаго селенія Лебедивки (протовчанской паланки), будучи обвиненъ какою-то женщиною въ грѣхѣ, который больше всего наказывался въ Запорожьѣ и, подвергшись за то тяжкому взысканію, изъ мщенія не только ее убилъ, но даже тирански пожемъ изрѣзалъ и въ томъ преступленіи въ паланкѣ сознался. Взятый подъ арестъ и отправленный въ Сѣчь, онъ преданъ былъ суду. Вотъ приговоръ Коша, сообщенный войсковому старшинѣ Порохнѣ, командовавшему въ заднѣпровскихъ паланкахъ: «присланный при вашемъ рапортѣ въ Кошъ, вѣдомства протовчанскаго с. Лебедивки житель Василь Беркутъ, хотя за его въ убійствѣ чужой женщины виновность подлежалъ смертной казни... но что онъ имѣеть у себя малолѣтнихъ дѣтей и жену, и чтобы оныя не оставались безъ воскормленія, по разсужденіи Коша, вмѣсто таковой ему за то слѣдовавшей смертной казни, жестоко здѣсь наказанъ кіями и отпущенъ на прежнее жительство на покаяніе». 1767 года, августа 8.

Къ этому слѣдуетъ добавить, что еще прежде объявленія приговора, Кошъ приказалъ войсковому асаулу поѣхать въ с. Лебедивку и взявъ скотъ убійцы, раздѣлить его, по обычаю, на три части: одну на Кошъ, одну на старшину войсковаго Порохню, какъ главнаго мѣстнаго начальника, третью-же часть скота и все движимое имущество виновнаго, слѣдовавшаго главной старшинѣ въ Сѣчи, отданы женѣ его на прокормленіе себя и дѣтей.

Смертная казнь замѣнялась наказаніемъ кіями въ случаѣ поручительства, но тогда это наказаніе производилось подъ висѣлицею. Запорожскій козакъ куреня полтавскаго Максимъ Шульга нѣсколько лѣтъ сряду гайдамачилъ, особенно же занимался воровствомъ лошадей въ Польшѣ и Буджакѣ; но въ одномъ шинку на р. Солонцѣ, гдѣ онъ скрывался, войсковымъ асауломъ взятъ и привезенъ въ Сѣчь, здѣсь же, «по довольномъ *клевомѣ* наказаніи подъ висѣлицею, войскомъ и священниками испрошенъ и отпущенъ на поруки» 1759 г. генваря 3. Ручался родной его братъ и другіе товарищи въ слѣдующихъ словахъ: «что его Шульгу взяли на поруки и впредъ во-

воватъ не будетъ, мы въ томъ обязуемся и повинны отвезти въ монастырь по его обѣщанію. Ежели жъ онъ Шульца впредь воровать станетъ и на него претензія зайдетъ, мы обидимыхъ довольствоватъ и его сыскиватъ къ поставкѣ въ Кошъ имѣемъ».

На поруки брали иногда цѣлымъ куренемъ, и это въ силу круговой отвѣтственности всего Коша предъ правительствомъ, куреня и паланки предъ Кошемъ. Денежнаго залога не существовало, но отвѣтственность была полная, взыскаііе дисциплинарное и имущественное. Отсюда тѣ оригинальнѣе мотивы, по которымъ курень бралъ на поруки провинившагося товарища. Въ 1755 году, октября 29, атаманъ кисляковскаго куреня Самоилъ Щербина съ товарищи, выпросили у кошеваго Григорія Федорова на поруки козака своего куреня Кирилла Письменнаго, содержавшагося въ пушкарнѣ войсковой подъ карауломъ, за его по причинѣ гайдамачества виновность, и дали росписку въ томъ, что онъ по первому востребованію представлень будетъ къ отвѣту, а паче, что онъ впредь воровать не пойдетъ и нигдѣ съ ворами сообщенія никакова имѣть не будетъ; «еслижъ бы паче чаянія, добавляли поручители, отъ нашего надъ нимъ небреженія, въ какомъ подозрительствѣ явиться могъ бы, тогда мы нижеподписанные подлежатимемъ войсковому штрафу и за него Письменнаго отвѣту». И вотъ мотивъ столь отвѣтственнаго поручительства. «Козакъ Письменный многимъ козакамъ и постороннимъ людямъ на не малую сумму денегъ задолжался, козаки-жъ запорожскіе, по обычаю своему, а паче по нѣкоейсь злобѣ, намѣревались собравшись, его, яко вора, въ смерть убить». «А егда убить будетъ, разсуждала куренная братія, то куреню нашему платитъ за него денегъ на не малую сумму воспослѣдуетъ напрасно; и по крайнейшей таковой причинѣ упросили мы его милость пана кошеваго Федорова и старшины войсковой на поруки наши его козака Письменнаго отпустить». При этомъ, добавляетъ росписка, «по обыкности нашей, яко старшинѣ, помянутому г. кошевому Федорову, принявши отъ рукъ вышеписаннаго вора, я атаманъ съ товариствомъ дали за утружденіе его одного червонца и причислили оного дать не зъ воровскаго, но съ куреня».

Къ числу наказаній относилось и привязываніе у позорнаго столба. Столбъ стоялъ у самой колокольни при Сѣчевой Покровской церкви, и привязываніе къ нему, въ присутствіи всего войска,

было величайшимъ посрамленіемъ для козака. Вотъ примѣръ наказанія. Въ 1758 г. 11 іюня «козакъ Герасимъ Рябый, за въ пьянствѣ причиненныя, наказанъ у столба кіями и тамо: Козакъ пашковскаго куреня Федоръ Литвинъ «за отнятіе у козака лошади у столба въ Сѣчи былъ привязанъ». Тоже не опредѣлено было дезертирамъ, которые во время войны вольно отъ своихъ прапоровъ уходили въ степь, подъ предположенныхъ работъ. Въ 1770 году кошевой писалъ войсковому «дезертировъ ушедшихъ изъ экспедиціи отряда подъ Очако Хаджибеемъ, наказавъ на базарѣ кіями, держать у столба вращенія моего въ Сѣчѣ».

Вышею степенію наказанія была смертная казнь, и она тиковалась также въ Сѣчи запорожской. Кошевой былъ и судья и верховный начальникъ войска, и приговоры его, даже тѣ, исполнялись въ Кошѣ безъ апелляцій къ гетману, и сочайшей власти. Хотя указъ 1749 года марта 13 строго наказывалъ такіе приговоры, по они до самаго уничтоженія Сѣчи существовали. Мы нашли цѣлый списокъ казенныхъ, официально поставленный кошевымъ Павломъ Козелецкимъ въ пограничную мисію, учрежденную въ Бахмутѣ для рѣшенія споровъ донскаго запорожскаго войска 17 ноября 1747 года. Тутъ между прочимъ показано: 1) козакъ Иванъ Покотило въ 1744 г. при Сѣчи повѣшенъ, 2) козакъ Сухій за воровство кіями до смерти въ Самарѣ повѣшенъ, 3) Павло Щербина въ томъ же году въ самарской повѣшенъ и три другіе въ Сѣчи повѣшены и т. д.

Судъ въ Запорожьѣ былъ простъ и очень кратокъ: допрашивали виновныхъ и свидѣтелей и тутъ же полагали рѣшеніе. Въ время допросовъ и увѣщанія преступникъ содержался въ пещерѣ, которая представляла собою родъ погреба или ямы, гдѣ, въ случаѣ побѣга, виновнаго приковывали къ пушкѣ. Если увѣщаніе помогало, прибѣгали къ пристрастію или пыткамъ. Къ чести Запорожцевъ сказать надо, что, кромѣ батога, никакихъ другихъ орудій казни не употреблялось, хотя и допросъ съ батогами заканчивался иногда смертію. Вотъ одинъ такой случай. Въ 1774 г. какой-то лодикъ Никонъ хвастался предъ козакомъ Борисомъ Шевцемъ, получивъ наслѣдство, онъ намѣренъ себѣ и ему лошадей дабы въ компанію быть готовымъ, ибо, присвокупили мо.

«если въ походѣ не пойдѣмъ, то какъ пановъ выбивать будутъ, чтобъ и намъ смертоубійства не случилось». Видно, что тогда въ Сѣчи затѣвалось нѣчто въ родѣ возстанія 1768 года. Козакъ Борисъ Швець, напившись пьянъ въ Новомъ-Кодакѣ, разсказалъ это въ корчмѣ; старшина взяла его въ секвестръ сперва къ простому, а послѣ и къ пристрастному допросу; но «отъ тѣхъ трехъ *пристрастныхъ* допросовъ, онъ Швець дней чресь 4 и умре въ ямѣ», какъ замѣчаетъ приговоръ.

Когда преступникъ сознавался въ винѣ, старшина на сходкѣ произносила приговоръ, который войсковый писарь подписывалъ на самомъ допросѣ. Исполненіе сенгенцій производилъ войсковый довышъ публично на базарѣ у висѣлицы, или у столба, или же партикулярно на сходкѣ, судя по важности преступленія.

Достоинство вниманія то уваженіе, которое запорожцы питали къ праздникамъ и постами, при производствѣ суда. Въ 1762 г. въ кодацкой паланкѣ содержались два молодика по подозрѣнію въ убійствѣ одного тамошняго жителя. Случилось это въ первую недѣлю великаго поста. По донесеніи о семъ Кошу, на запросы полковника Кодацкаго, какъ поступить съ арестантами, послѣдовалъ такой отвѣтъ: «А яко въ нынѣшніе постные дни наступившей первой седмицы о томъ убійствѣ изслѣдованія чинить не слѣдуетъ и не можно до окончанія тѣхъ дней; содержащихся же отцы жительствоующіе въ Кодакѣ суть люде осѣдлые, для того повелѣваемъ: обвиненныхъ отцамъ ихъ до имѣющагося быть ихъ дѣлу разбора за роспискою отдать на поруки, съ тѣмъ, чтобы они, по востребованіи, оныхъ, гдѣ слѣдовать будетъ, представили».

Въ извѣстныхъ разсказахъ столѣтняго запорожца Леонтія Коржа, записанныхъ въ 40-хъ годахъ архіепископомъ одесскимъ Гавріиломъ, находимъ любопытныя подробности внѣшняго порядка и обрядности суда у запорожцевъ. Тяжущіеся шли прежде всего къ начальству своей паланки и не иначе, какъ купивши на базарѣ по калачу. Обращеніе судей-начальниковъ къ подчиненнымъ козакамъ и обратно свидѣтельствовало объ ихъ близости, равенствѣ и братствѣ.

— Клянемся вамъ хлибомъ-силью, говорили тяжущіеся судьямъ, полагая калачи на столъ.

— Здорови були! отвѣчали имъ судьи и спрашивали: «а яке ваше дило, панове молодци?»

— Отъ, панове, яке наше дило! начиналь обиженный и излагаль свою жалобу относительно, напр., потравы, захвата и т. д.

— Ну, братику, говори, чи правда то, що товарищъ на тебе каже? спрашивали судьи обидчика, и тотъ говорилъ въ свое оправданіе.

Выслушавъ обѣ стороны, паланка иногда посылала отъ себя козаковъ для освидѣтельствованія «шкоды» или обиды на мѣстѣ и по справкамъ рѣшала дѣло такъ или иначе. При несогласіи сторонъ, паланка терпѣливо уговаривала спорящихъ и если не могла добиться отъ нихъ соглашенія, то отправляла ихъ въ Кошъ. Тамъ спорящіе, если они принадлежали къ разнымъ куренямъ, шли въ тотъ или другой курень по предварительному уговору и также съ калачами, которые клали съ поклономъ на столъ атамана.

— Здравь, батьку! говорили они, входя къ атаману.

— Здорови були, паны молодци! отвѣчаль имъ атаманъ, и не зная, зачѣмъ пришли, просилъ садиться.

— Та николи, батьку, сидити, мы дило до тебе маемъ, отвѣчали козаки и излагали свое дѣло, пояснивъ, какъ они судились въ паланкѣ и на чемъ она порѣшила.

Атаманъ, выслушавъ обоихъ и узнавъ, какого куреня другой козакъ, посылаетъ прислужниковъ попросить къ себѣ атамана того куреня. Тутъ происходило совмѣстное разбирательство, а при несогласіи сторонъ оба атамана вмѣстѣ съ спорящими шли къ войсковому судѣ. Сперва входили атаманы съ обычными привѣтствіями, а потомъ являлись съ поклономъ и калачами и тяжущіеся козаки. По словесномъ докладѣ и выясненіи всего дѣла судья объявлялъ свое рѣшеніе, и если и послѣ этого одна изъ спорившихъ сторонъ оставалась недовольною, тогда судья говорилъ:

— Ну, теперъ-же, панове атаманы, идить зъ ними до п. кошового, тамъ уже буде имъ конечный судъ! и, обращаясь къ тяжущимся, прибавлялъ: а вы, братци, забирайте съ собою и свій хлибъ съ сырна.

— Та ни, добродію, мы соби купимъ на базари, говорили тѣ.

— Забирайте, забирайте, съ гнѣвомъ повторялъ иногда судья, и не держитъ отаманивъ, бо имъ не одно дило ваше.

У кошеваго та-же церемонія, съ привѣтствіями, поклонами и калачами, и тотъ-же патріархальный пріемъ, ничѣмъ не выдающій неравенства судьи и подсудимыхъ. Рѣшеніе кошеваго было безапелляціоннымъ и если оно принималось съ удовольствіемъ тяжущи-

мися, разставаніе ихъ съ кошевымъ дышало братскою прїязнїю и имѣло видъ прощанїя гостей съ хозяиномъ.

— Прощай, вельможный пане! говорили, уходя, атаманы и козаки.

— Прощайте, панове молодци, прощайте та и насъ не забувайте, отвѣчала имъ кошевой.

Но при упорствѣ и рѣзкомъ протестѣ виновнаго, или большой его винѣ сцена перемѣнялась и кошевой грозно командовалъ: «сторожи, кїивъ!» и когда появлялись кїи, вельможный объявлялъ виновному: «ну лягай, братику! ось мы тебе проучимо, якъ-то по правди робити и панивѣ шанувати!»

— Помилуй вельможный пане! взывалъ тогда козакъ.

— Ни, братику, нема вже тобі помилуванья, коли ты такой. Козаки! сидайте на рукахъ и на ногахъ, сторожи! бийте его добре кїями, щобъ знавъ, почимъ кившъ лиха.

«И якъ почнуть кїи межъ собою розговорювать по сей бикъ и по той бикъ, разсказывалъ Коржъ, то козакъ все мовчить, та слушае, що-то вони скажутъ. И якъ уже ёго добре употчуютъ, 50 або 100 кїивъ дадутъ, то кошовый крикне: «тоди!» Тоди сторожи, пиднявши кїи на плечи, стоятъ якъ салдаты зъ ружьями па часахъ, козаки потроху ще придержують виноватого, а кошовый вычитуе ёму зновъ свое ришеніе. «Чую, вельможный пане», кричитъ винъ, а кошовый ёму на остатокъ: «ну, вставай съ Богомъ, та шануйся! А що це тебе выбили, то здоровъ зноси: то, щобъ ты не дуже мурдывавъ не упрямывся».

Иногда кошевой шутливо спрашивалъ наказываемаго: «а може тобі ще прибавить кїивъ?» Но виновный съ крикомъ и воплемъ отпрашивался: «буде зъ мене и сѣго, до выку не буду прогивиться, буду шанувати панство!» Тогда кошевой, приходя въ себя, командовалъ козакамъ и сторожамъ: «ну, буде, вставайте и козака на волю пускайте, а кїи де дальше ховайте».

Изъ разсказовъ того-же Коржа узнаемъ, что въ Запорожьи было три рода казней и три особыя для нихъ орудїя:

1) Шибеница или висѣлица. Висѣлицы устроены были въ разныхъ мѣстахъ надъ большими дорогами, почти во всякой паланкѣ, но способъ вѣшанїя былъ очень оригинальный. Преступника возили подъ висѣлицу верхомъ, здѣсь накидывали ему на шею сильце (петлю) и ударивъ лошадь, прогоняли ее, а осужденный

повисаль такимъ образомъ на веревкѣ. Иногда вѣшали вверхъ ногами, иногда за ребро желѣзнымъ крюкомъ, и висѣль такъ преступникъ, пока и кости его разсыплются, въ примѣръ и страхъ другимъ, и никто его оттуда снять не смѣль, подъ смертную казню.

2) Острая наля, или коль. Это былъ высокій деревянный столбъ, вышиною въ 6 аршинъ и болѣе. съ желѣзнымъ острымъ шпилемъ въ два аршина. На этотъ шпиль насаживали осужденнаго такъ, чтобы острый конецъ на $\frac{1}{2}$ аршина выходилъ спиною; и сидѣль на томъ шпилѣ несчастный дотолѣ, пока не изсохнетъ, «поки не выкореница, по выраженію Коржа, якъ вяла рыба, щобъ якъ витерь цовіе, то-бъ крутився кругомъ и торохтили-бъ уси ёго кисточки». Эта казнь употреблялась очень рѣдко, быть можетъ затѣмъ, чтобы не было сходства съ польскими старостинскими судами, которые всѣхъ пойманныхъ гайдамакъ, а иногда просто бѣдныхъ запорожцевъ на коль сажали безошадно.

3) Кіи или бячи—дубовые или изъ другого крѣпкаго дерева. Преступника привязывали или приковывали къ столбу въ Сѣчи, или въ паланкѣ на площади; вокругъ столба ставили разные напитки: одку, медъ, пиво и брагу, много калачей и тутъ же цѣлые связки *ивъ*. Осужденному прежде всѣхъ предлагали ѣсть и пить; потомъ сякій козакъ бралъ кіи и вышивъ *корякъ* водки или меду, ударялъ реступника, приговаривая: «ото-то тоби, вражій сыну, щобъ ты не вавъ и не розбивавъ; мы вси за тебе цлымъ куренемъ платили». били осужденнаго, пока не убивали въ смерть.